

А.С. Боброва
СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ И
АРГУМЕНТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТОПОСОВ –
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РАССУЖДЕНИЙ

В работе дается сравнительный анализ двух моделей аргументации (системная модель аргументации и аргументационная модель топосов). Я рассматриваю их сходства и различия на уровне теории, а также показываю преимущества и недостатки их использования в реальных контекстах. Так как обе модели могут использоваться в процессе обучения, практическая сторона моделей оказывается в центре внимания.

The paper provides a comparative analysis of two models of argumentation (System Model of Argumentation and Argumentum Model of Topics). I scrutiny similarities and differences of their theories, and demonstrate advantages and disadvantages of their use in real contexts. As both models can be used in educational purposes, their practical side comes under the spotlight.

Ключевые слова: системная модель аргументации, СМА, аргументационная модель топосов, АМТ, анализ рассуждений.

Keywords: System Model of Argumentation, SMA, Argumentum Model of Topics, AMT, reasoning analysis.

1. Введение

Можно долго обсуждать, что есть теория аргументации, каковы ее цели, задачи, возможности (как известно, единства взглядов в этой области попросту нет). Однако неоспоримо, что ее ядро формируется процедурой анализа-оценки и моделирования рассуждений. «Анализ-оценка» я пишу через дефис, чтобы подчеркнуть их тесную связь: анализ предполагает оценку, а оценка анализ.

Теория аргументации буквально вырастает вокруг рассуждений¹. Сегодня мы уже привыкли говорить об изучении этого приема познавательной деятельности с позиции логики, лингвистики или риторики, диалектики или

¹ В рамках теории аргументации изучаются не только рассуждения-аргументы (arguments), но и рассуждения вообще (reasoning).

прагматики². Но нельзя не заметить, что в последние десятилетия набирают популярность комплексные или синтезированные модели: логико-когнитивная, прагма-лингвистическая и т. д. Их появление вполне закономерно: синтез позволяет проводить разносторонний анализ, преодолевая тем самым неизбежную дисциплинарную однобокость каждого из подходов. По «набору компонентов» комплексные модели могут существенно различаться, но в основном они формируются вокруг двух столпов: во-первых, предметом их исследования являются рассуждения, которые, что во-вторых, рассматриваются в тесной связи с их автором, то есть субъектом аргументации. Другими словами, моделируя рассуждения мы стремимся учитывать представления участников аргументации.

Синтезированных моделей на сегодняшний день существует довольно много. Большинство из них относительно локальны (интернациональных подходов подобных прагмадиалектике существует единицы): предпочтение того или иного подхода в том или ином университете объясняется чуть ли не географическим признаком. Обзор основных концепций можно найти в *Handbook of Argumentation Theory* (Van Eemeren et al, 2014).

В рамках этой статьи я ограничусь сопоставлением двух моделей: Системной моделью аргументации (далее – СМА) и Аргументативной моделью топосов (далее – АМТ), автором которой является Э. Риготти (E. Rigotti). Оба подхода обладают определенным сходством как на теоретическом уровне, так на уровне практического применения: могут использоваться при обучении работе с текстами. Теоретическая основа каждой из моделей описывается во втором и четвертом разделах соответственно. Практическая же сторона, то есть принципы их работы на конкретных примерах, рассматривается в третьем и пятом. Шестая же часть представляет собой перекрестный анализ: пример, разбираемый в рамках СМА (пример из третьего раздела), анализируется средствами АМТ, и наоборот.

² Формальный подход в силу его специфики в этой работе я не рассматриваю.

Уже сама структура статьи свидетельствует в пользу явного предпочтения практической стороны моделей их теоретической основе. И это не случайно. В своей работе я хочу не только сравнить две модели, но и посмотреть, какую из них максимально удобно или эффективно использовать в процессе обучения.

Стоит ответить и на вопрос «почему я предпочитаю именно эти модели всем остальным?». В этом вопросе, что невозможно отрицать, они далеко не единственные. Выбор СМА был обусловлен все той же географической причиной, упомянутой выше: подход был разработан отечественным логиком, основателем ежегодного семинара «Модели рассуждений» В.Н. Брюшинкиным. Выбор АМТ объясняется ее относительным сходством с СМА. Таким образом, статью можно рассматривать как некий вклад в преодоление имеющей место в наши дни географической однобокости.

2. СМА

Прежде чем приступить к собственно анализу СМА, стоит разобраться с терминологией. Дело в том, что в поздних работах Брюшинкин называет свою модель не столько СМА, сколько логико-когнитивной. Идет ли здесь речь о метаморфозе СМА или мы имеем дело с некой новой моделью? Я склоняюсь к первому варианту ответа. Логико-когнитивный подход сохраняет принципы работы СМА, наследуя ее основные идеи (Лисанюк, 2012: 47), меняются только акценты. А потому здесь и далее я буду использовать термин «СМА».

В исходном виде, как пишет Брюшинкин, цель предлагаемой им СМА — «использование анализа аргументации для того, чтобы выделить модели мира, лежащие в основании аргументации и характеризующие культуру народа, к которому принадлежит данный мыслитель» (Брюшинкин, 2009: 155). Обращение к онтологии в подобных неформальных моделях можно назвать традиционным.

Системность подхода определяется тем, что он представляет собой комбинацию логической, риторической и когнитивной моделей. Кратко напомним, что собой представляет каждая из них. Логическая модель отображает

«обоснованность одних высказываний другими высказываниями» (Брюшинкин, 2009: 135), когнитивная — «отображает содержательную истинность представлений, преобразуемых в ходе аргументации» (Брюшинкин, 2009: 135), а риторическая — связана «с изменчивыми структурами естественного языка» (Брюшинкин, 2009: 135). Она занимается соотношением «использованных логических и когнитивных средств с особенностями устройства ценностных представлений и модели мира адресата аргументации» (Брюшинкин, 2009: 150). Риторике в этой версии исполняет две роли или функции: порождающую и оформляющую. «Порождающая функция риторики состоит в том, что риторические средства используются при построении набора аргументов, а оформляющая функция риторики состоит в том, что риторические средства используются для усиления воздействия на адресата уже построенных наборов аргументов» (Брюшинкин, 2010b: 7). Указанная двойственность соответствует двум этапам аргументации: внутреннему (построением плана убеждения) и коммуникативному.

Принцип работы СМА (исходной версии) описывают следующие шесть пунктов:

«1. Строится дерево логической аргументации: система высказываний, обосновывающих главный тезис.

2. Анализируются переходы между данными высказываниями, устанавливаются там, где это возможно; логические связи между выделенными высказываниями.

3. Определяются пробелы в аргументации.

4. Пробелы заполняются при помощи логических средств.

5. Там, где невозможно заполнить пробелы при помощи логических средств, используются когнитивные средства — когнитивные схемы, карты. Когнитивные средства могут выполнять две функции в аргументации: 1) заполнять пробелы в логической аргументации, 2) сокращать процесс аргументации там, где логическая аргументация является слишком длинной для естественно-языкового текста.

6. Такова же может быть функция риторических средств: заполнять пробелы в логической аргументации и сокращать логические выводы» (Брюшинкин, 2009: 142).

Таким образом, исходной моделью оказывается логическая, именно с нее начинается анализ аргументации. Превалирование логики объясняется тем, что «именно логический подход изучает такие процедуры, как обоснование или опровержение» (Брюшинкин, 2009: 138). При этом аргументационный анализ не сводится к построению логического дерева. Брюшинкин подчеркивает, что никакое дерево не может быть построено без знания исходных представлений субъекта (см. пункт 5 в списке).

Последнее замечание можно сказать запускает изменение исходной модели: когнитивные установки становятся в один ряд с логическими, а риторический фактор несколько уходит в тень. Теперь когнитивный элемент возникает уже не после построения аргументационного дерева, а наоборот, является его основной: вид дерева определяется представлениями субъекта. Одним словом, мы наблюдаем когнитивный поворот СМА. В его основе оказывается «идея, согласно которой определяющим фактором построения набора аргументов являются связи представлений, образующие ментальные структуры, а не связи языковых выражений. Представление, конечно, сопровождается знаками, хотя бы во внутренней речи, но установление связей происходит на уровне смыслов языковых знаков» (Брюшинкин, 2010а: 23). В итоге, место обоснования тезиса, ради которого и строится дерево аргументации, занимает представление целевого убеждения (далее – ЦУ), под которым понимается когнитивно-адресное воздействие субъекта-оратора на адресата.

Развернутым планом ЦУ по-прежнему являются деревья, но для этих деревьев Брюшинкин использует термин «когнитивная карта»³ или картирование. Карта определяется как «множество узлов, каждый из которых соответствует

³ Построение карт предполагает введение новой терминологии:
«Причина – представление, вызывающее в уме некоторого лица другое представление.

Следствие – представление, вызываемое в уме некоторого лица причиной.

Условие – часть среды, в которой причина вызывает следствие.

Фактор – представление, которое может быть причиной (П), следствием (С) или условием действия причины (У).

одному представлению, а духи (стрелки) соответствует причинно-следственной связи между узлами-представлениями» (Брюшинкин, 2010а: 3). Карта «раскрывает причинную зависимость представлений лица, позволяющую сделать некоторое убеждение приемлемым для данного или другого лица» (Брюшинкин, 2010а: 12), а при ее построении учитываются не только имеющиеся высказывания, но и так называемые исходные когнитивные установки агентов, исполняющие роль опор убеждения.

Когнитивные карты можно рассматривать как доработанную версию деревьев аргументации, о которых речь шла в первоначальной версии СМА. Они могут выстраиваться не только на базе аргументационного текста, но и отражать набор аргументов, определяемых лишь по представлению об адресате. Отличие карт первого типа от карт второго состоит в том, что в первом случае набор аргументов «должен быть извлечен из текста, очищен от риторического оформления и случайностей выражения и представлен в виде взаимосвязи внутренних репрезентаций (представлений или – в случае логического плана – суждений)» (Брюшинкин, 2010а: 16-17), а во втором – этого, очевидно, не требуется.

Любая карта имеет вид графа, корнем которого является первая причина (далее – ПП, см. сноску 3), а вершиной – конечное представление (далее – КП, см. сноску 3), то есть то, к чему мы идем. Промежуточные этапы следует называть посредствующими. Определение ПП и КП зависит от ЦУ, которое может носить теоретический или практический характер. Если ЦУ теоретическое, то есть мы имеем

Конечное представление (КП) – представление, причина которого устанавливается.

Первая причина конечного представления (ПП) – фактор, который порождает конечное представление.

Посредствующие факторы (ПФ) – факторы, связывающие первую причину и конечные представление.

Целевое убеждение (ЦУ) – суждение о непосредственной связи первой причины и конечного представления для теоретических убеждений или представление о желательности или необходимости совершения какого-либо действия для практических убеждений» (Брюшинкин, 2010а: 11-12).

дело с «суждениями, описывающими некоторую ситуацию» (Брюшинкин, 2010а: 10), то ПП становится субъект ЦУ, а КП – его предикат. Если ЦУ практическое, то есть убеждение, побуждающее к действию, то ЦУ отказывается тождественным с КП. ЦУ в этом случае не имеет субъектно-предикатной структуры, и ПП следует искать за его пределами. Построение когнитивной карты предполагает следующие шаги:

«1. Формулировка целевого убеждения

2. Установление конечного представления.

3. Установление первой причины этого конечного представления.

4. Установление представлений, служащих посредствующими факторами между первой причиной и конечным представлением.

5. Определение того, являются ли выделенные представления причинами или условиями действий причин.

6. Установление причинных отношений идущих от первой причины к конечному представлению» (Брюшинкин, 2010а: 12-13).

На этом теоретический обзор СМА может быть завершен. Подробнее с моделью можно познакомиться в предыдущих выпусках этого журнала (Брюшинкин, 2009, 2010а, 2010b, 2010с, Лисанюк, 2012). Теперь настало время обратиться к ее практической составляющей. В следующем разделе мы посмотрим на СМА в действии, а также попытаемся определить, что именно предлагает СМА для анализа текста.

3. Анализ средствами СМА. Авторский пример

Дабы максимально точно передать особенности работы СМА, я предлагаю обратиться к анализу фрагмента из рассказа А.П. Чехова «Гость», который в ряде работ разбирал сам ее автор (Брюшинкин, 2010а, 2010с):

«Измученный Зельтерский повалился на спинку дивана и, закрыв глаза, стал слушать ...

“Все средства испробовал, – думал он. – Ни одна пуля не пробила этого мастодонта. Теперь до четырех часов

будет сидеть... Господи, сто целковых дал бы теперь, чтобы сию минуту завалиться дрыхнуть... Ба! Попрошу у него денег займы! Прелестное средство..."

- Парфений Савич! — перебил он полковника. — Я опять вас перебью. Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении... Дело в том, что в последнее время, живя на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а между тем в конце августа мне предстоит получка.

- Однако... я у вас засиделся... — пропыхтел Перегарин, ища глазами фуражки. — Уж третий час... Так вы о чем же-с?» (Чехов: 197, цит. по Брюшинкин, 2010с).

Этот фрагмент Брюшинкин анализирует средствами поздней, логико-когнитивной, версии модели, а потому нашей целью оказывается построение когнитивной карты. В этом случае на первый план выходит поиск ЦУ, которым оказывается убеждение Перегарина покинуть помещение. ЦУ, как было сказано в прошлом разделе, помогает определить исходные и результирующие узлы карты — КП и ПП. Так как убеждение фиксирует действие, то оно является практическим. Последнее означает, что ЦУ соответствует КП, а ПП следует искать за его пределами. Обнаружить ее помогают когнитивные установка оратора, коей является установка на вежливость: Зельтерский хочет вежливо попросить слушателя уйти, а потому не может озвучить просьбу.

Зафиксировав КП и ПП, необходимо восстановить промежуточные шаги аргументации, то есть выстроить когнитивные представления оратора о слушателе, то есть адресате. Именно это мы наблюдаем в рассуждениях Зельтерского: он полагает, что адресат скуп, но вежлив, а потому достичь своей цели можно, попросив у Перегарина денег (из вежливости он не будет отказывать напрямую, а предпочтет уйти).

Итак, когнитивные установки «играют в процессе построения когнитивной карты двоякую роль: они обуславливают выбор первой причины — “просьбы одолжить денег” — но также играют роль условий в самой когнитивной карте, придавая очевидность переходам от одного фактора к другому» (Брюшинкин, 2010а: 18). Первая, неформальная,

роль на когнитивной карте набора аргументов никак не отражается, а установки же во второй роли становятся условиями действия причин.

Реконструкция аргументации Зельтерского, то есть когнитивная карта его набора аргументов, изображена на схеме 1, а в Таблице 1 дана расшифровка используемых сокращений (Брюшинкин, 2010а: 19-20).

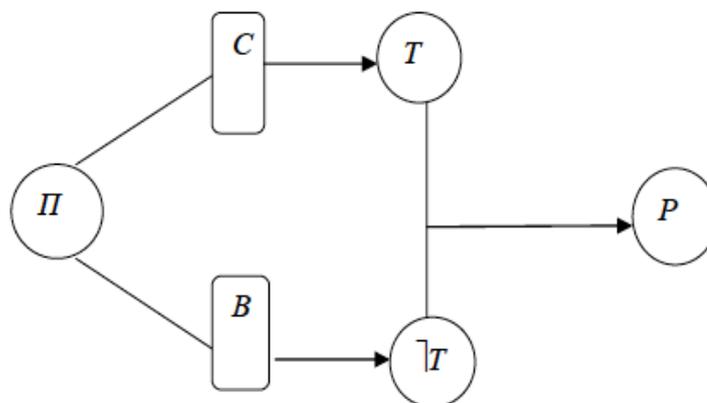

Схема 1. Когнитивная карта набора аргументов Зельтерского в СМА

обозначение	фактор	роль
Ж	Желание отдохнуть	мотив
П	Оправданная просьба одолжить денег	ПП
С	скудость	У
Т	Стремление отказать в просьбе	П
В	вежливость	У
¬Т	Невозможность отказать в просьбе	П
Р	Решение немедленно уйти	ЦУ

Таблица 1. Таблица факторов к Схеме 1

Построенная когнитивная карта может быть прочитана так: «Я хочу “завалиться дрыхнуть”. Для этого надо, чтобы Перегарин сам реши уйти. Попрошу-ка я его одолжить денег, поскольку же он скупой, то он захочет отказать мне в просьбе, а поскольку вежливый, то не сможет этого сделать, а значит, он сам решит уйти» (Брюшинкин, 2010а: 20).

Хотя я стараюсь максимально точно излагать позицию автора и воздерживаться от комментариев, не могу не обратить внимание на появление в карте мотива, о котором на теоретическом уровне не было и речи. Насколько я понимаю, скорей всего здесь мы имеем дело с еще одной когнитивной установкой. Брюшинкин, как мне кажется, интуитивно приходит к мысли о необходимости более четкого различения типов установок и их функций. Однако должным образом этот вопрос, к сожалению, проработан не был. А это, как мы увидим в пятом разделе, несколько затрудняет применение СМА к анализу текстов.

Вернемся к нашему примеру. Брюшинкин справедливо замечает, что из проведенной реконструкции не понятно, почему Зельтерский решает поступить именно так. Но в тексте мы читаем: «Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении... Дело в том, что в последнее время, живя на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а меду тем в конце августа мне предстоит получка». Это означает, что стоит принять во внимание еще и когнитивную установку оратора — установку на вежливость о самом себе. Автор СМА указывает, что она, правда, мне не совсем понятно, почему именно она, позволяет расширить карту с помощью «префикса», отраженного на Схеме 2: «одолжите мне денег, так как большие расходы лишили меня средств, но скоро предстоит получка». Расшифровка сокращений представлена в Таблице 2 (Брюшинкин, 2010а: 21).

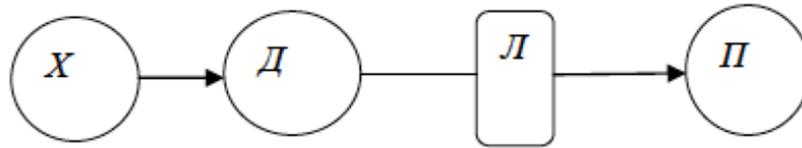

Схема 2. Когнитивная карта установок Зельтерского о самом себе в СМА

обозначение	фактор	роль
<i>X</i>	Большие расходы на даче	ПП
<i>Д</i>	Отсутствие денег	П
<i>Л</i>	Скорая получка	У
<i>П</i>	Оправданная просьба одолжить	П

Таблица 2. Таблица факторов к Схеме 2

Объединяя Схемы 1 и 2, мы получаем сводную карту (Схема 3).

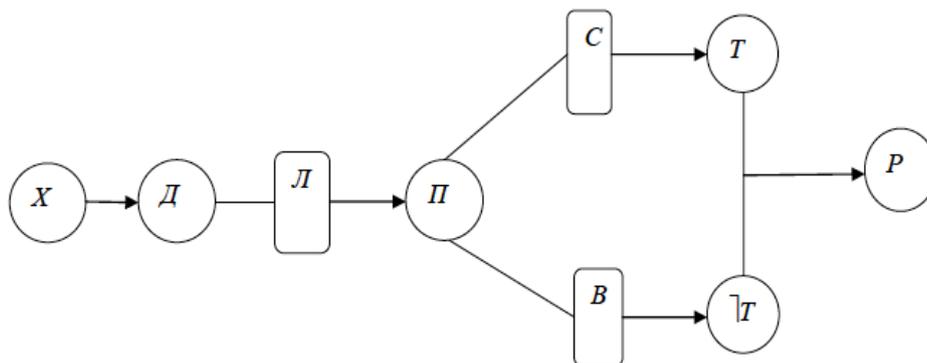

Схема 3. Сводная когнитивная карта аргументов Зельтерского в СМА

Прочтение карты состоит из двух этапов, которые соответствуют последовательному прочтению Схем 2 и 1.

4. АТМ

Обратимся к Аргументационной модели топосов (Argumentum Model of Topics), которая, насколько я могу судить, русскоязычному читателю практически не известна. Ее нельзя назвать доминирующим направлением и на Западе. Основные идеи, как и в случае СМА, изложены в журнальных статьях (Rigotti, 2009; Rigotti, and Greco Morasso, 2010). В настоящее время группой авторов ведется работа над книгой. Представлю основные положения АТМ. Чтобы облегчить ее понимание, по ходу изложения буду указывать на очевидные параллели с СМА.

АТМ было бы правильным определить как модель, развиваемую в рамках риторико-диалектического подхода к аргументации, то есть кроме риторических средств, она апеллирует и к информации об участниках аргументации. Цель модели – предложить принцип работе с такими популярными в теории аргументации структурами, как схемы рассуждений-аргументов⁴ (argument schemes). Не могу не признать, что лишним это бы явно не оказались. Хотя в наши дни и существует относительное единство в понимании, что есть схема рассуждений⁵ (различия оказываются чисто терминологическими), четкого понимания, как с этой единицей работать, нет. Далеко не всегда очевидно, каким образом в каждом конкретном случае осуществлять подбор

⁴ На русский язык словосочетание «argument schemes» переводят и как «схемы рассуждения», и как «схемы аргументации». Разночтения возникают в силу двойственной трактовки термина «argument»: он может переводиться и как рассуждение, и как аргумент. Так как рассуждения есть более широкое понятие, чем аргументация, в нашем случае уместнее апеллировать к рассуждениям.

⁵ Д. Уолтон, К. Рид и Ф. Макагно предлагают под схемами понимать «формы рассуждений (структуры вывода), которые отражают структуры общих типов рассуждений (arguments), используемых в каждомдневном дискурсе» (Walton, Reed, and Macagno, 2008: 1). Сходное определение мы находим и у авторов прагматического подхода: схема рассуждения – «отражение прагматических принципов поддержки, которая используется для того, чтобы причина аргументации приближала нас к принятию точки зрения» (Van Eemeren and Garssen, 2009: xvi).

той или иной схемы, как с помощью нее оценивать рассуждение. Нерешенным остается и вопрос о наборе схем. Какое количество схем будет оптимальным для того, чтобы, с одной стороны, схемы охватывали основные виды рассуждений, а с другой — умещались в голове исследователя, то есть были бы удобным инструментом для работы? Первым из указанных вопросов и занимается АМТ.

По признанию своих авторов, АМТ развивается как концепция, дорабатывающая аналогичный фрагмент прагматодialeктики. Ее ядро образуют процедурные и материальные компоненты. Они имеют место и в прагматодialeктике, но их смысл и содержание в АМТ уточняются таким образом, чтобы их можно было применять в работе со схемами рассуждений. Процедурный компонент регламентирует процесс построения схемы, а материальный — поиск фактических оснований, которые сближают аргументационную схему с реальностью. Это сближение призвано усиливать убедительность рассуждений.

Процедурный компонент состоит из трех этапов:

- (1) определение семантико-онтологических отношений, лежащих в основании рассуждений;
- (2) фиксация выводных связей;
- (3) определение логических форм рассуждений.

Первый этап, имеющий дело с семантико-онтологическим отношением, — этап выявления *loci* (локусов) или онтологических условий рассуждения. Авторы, как мы видим, обращаются к латинскому термину, который в средневековой традиции он обозначал «применение одних и тех же логических связей в различных онтологических областях» (Rigotti, 2008: 563): например, *loci* или локусы «целое и части», «причина и следствие», «действие и цель». Очевидно, что Риготти и его последователи следуют линии Перельмана, вернувшего латинский аналог аристотелевских топопов в современную науку.

Итак, как и в СМА, в АМТ мы наблюдаем характерную для подобного рода подходов онтологизацию знания. В данном случае она направлена на объяснение семантических оснований логической формы, которая лежит в основе схем рассуждений. В отличие от СМА, в АМТ семантический

анализ опережает синтаксический (для наследницы прагма-диалектической модели это неудивительно). «Семантический анализ требует понимания собственной природы схем рассуждений, в частности для того, чтобы выделить способ, согласно которому каждый *locus* порождает свои максимы» (Rigotti, and Greco Morasso, 2010: 496).

Идентификация только что упомянутых максим (*maximae* – еще один средневековый термин) является вторым процедурным этапом. Максимы (ниже в схемах я использую английскую версию термина), которые иначе можно назвать выводными связями (*inferential connections*), помогают определять отношения, существующие между двумя и более факторами одинакового онтологического отношения, то есть между факторами, которые существуют в рамках одного локуса. Один *locus* может породить несколько связей. Например, локус от финальной причины порождает максимы, фиксирующие связь между причиной и достижением результата: (a) если результат достигнут, значит резонно, что была активирована цепь причин; (b) если цепь не активизирована, не может быть получен результат и т.д.

Семантический же анализ «предлагает инструмент, чтобы заполнить разрыв между исследованием топосов (онтологических отношений) и исследованием схем рассуждений, которые используются в реальном дискурсе-аргументации, так как это позволяет формулировать отношение между локусом и максимами. Более того, семантический анализ позволяет производить тщательную оценку максим, которые в действующих схемах рассуждений-аргументов выступают в качестве посылок» (Rigotti, and Greco Morasso, 2010: 498).

На третьем этапе максимы приводят нас к известным из курса традиционной логики логическим формам (*modus ponens, modus tollens*), то есть мы получаем механизм, который позволяет соединять послылки с точкой зрения (заключением), что является неотъемлемой частью схем рассуждения. Логическая форма, как известно, фиксирует обоснованность конкретного рассуждения, но гарантировать ис-

тинность его заключения (если нам ничего не известно о посылках) она не может. Получается, что идентификация формы рассуждения ничего не говорит о его степени его обоснованности. Для этого нам требуется дополнительная информация, которую можно получить благодаря материальному компоненту. Его задача — снабжать рассуждения реальной поддержкой.

Материальный компонент помогают находить так называемую материальную точку, для обозначения которой в АМТ используется аристотелевский термин *endoxon*. В «Топике» Стагирит определяет его как общепринятое мнение или мнение большинства. Большинство, о котором идет речь, есть большинство мудрых. Риготти заменяет «мудрых» на релевантную публику, то есть публику, имеющую отношение к рассматриваемому случаю. Напрямую *endoxon* в рассуждении не участвует, но дает надежное основание для оценки его обоснованности. Материальная точка является своего рода точкой старта. К ней подсоединяются фактические данные или сведения (*datum*), то есть информация, о которой явным образом говорится в самом рассуждении. Фактические данные стоит расценивать как информационное поле рассуждения.

Комбинацию процедурного и материального компонентов можно представить схематически (см. Схему 4).

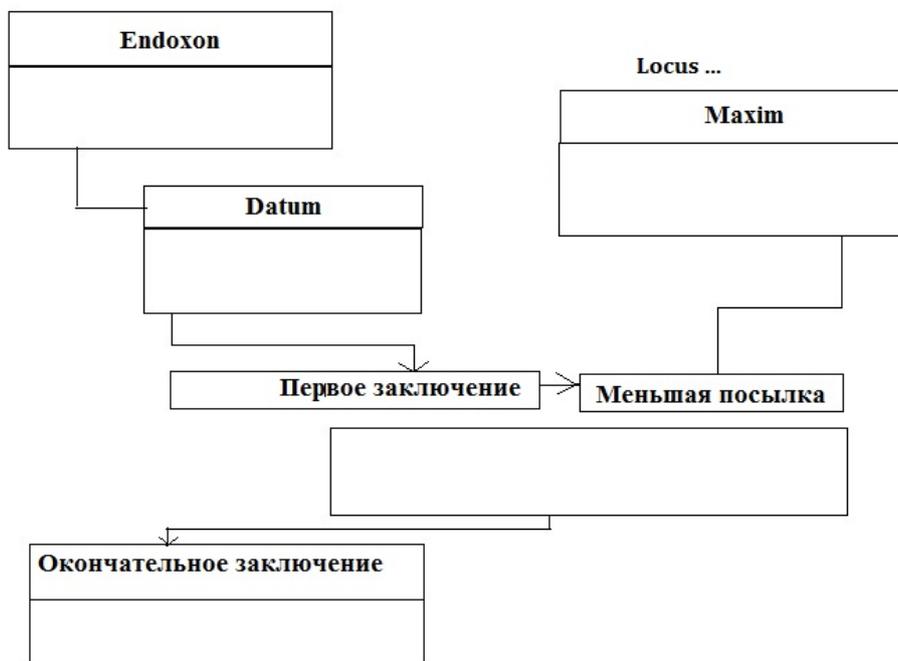

Схема 4. Каркас анализа рассуждений в рамках АМТ

Левая ветвь отражает движение, определяемое материальной составляющей, а правая — процедурной. Справа представлен последовательный переход от локуса к максимам и логическим формам, а слева дается материальное основание, почему мы должны принять меньшую посылку выявляемой формы. Искомым основанием является тот факт, что данные, отраженные в меньшей посылке, подкрепляются некоторым общим мнением или знанием (в данном случае они не разводятся). Знание считается общим, если его разделяет релевантная публика. О том, что исходные материальные условия, которые передаёт *endoxon*, должны быть согласованы участниками дискуссии заранее, говорит его расположение на схеме (верхний левый угол). Материальный компонент позволяет находить вторую линию рассуждения, которая используется для поддержки первой. По этой причине, «первое заключение» превращается в «меньшую посылку», а мы можем наблюдать, как материальные основания пересекаются с процедурными.

На первый взгляд эта структура может напомнить когнитивную карту системной модели. Но уже второй взгляд

покажет, что это не так: здесь нет когнитивных установок, а цель аргументации определяется на основании имеющегося текста. Различия между моделями станут яснее после разбора примера работы АМТ.

5. Анализ средствами АМТ. Авторский пример

Обратимся к простейшей аргументации, предлагаемой одним из разработчиков подхода — С. Грего Морассо. В одной из своих работ (Greco Morasso, 2012) она возвращает нас к военному конфликту в Иране, анализируя газетную заметку, в которой рассказывается об итальянском офицере Н. Калипари, который погиб, освобождая итальянскую гражданку Миссис Сгрена. История Сгрена-Калипари (Sgrena-Calipari) была опубликована на первой полосе «Либеро» (Liberо) 5 марта 2005 года. Кроме нее, на той же полосе итальянской газеты оказалась заметка «Берлускони освобождает также и Миссис Сгрена», в которой слова «также и» отсылали к прошлогоднему освобождению двух похищенных итальянских волонтеров — Симоны Пари и Симоны Торретта (Greco Morasso, 2012: 204).

Греко Морассо дает довольно подробный анализ газетной статьи. Я же предлагаю ограничиться разбором лишь одного ее небольшого фрагмента: «В этот момент каждая мысль должна быть направлена в адрес Николо Калипари, который умер на службе, чтобы защитить только что освобожденного заложника» (цит. по Greco Morasso, 2012: 204). Какую мысль стремятся донести до нас авторы заметки? Вслед за Греко-Морассо реконструируем их аргументацию средствами АМТ.

Начнем с материального компонента. Его, как замечает Греко Морассо, дают как анализируемая заметка из «Либеро», так и статья, в названии которой упоминается имя Берлускони, расположенная по соседству. Сведения, о которых мы явным образом читаем: Калипари был храбрым офицером (описывается в заметке), а правительство показало себя с наилучшей стороны (на это указывает название, в котором упоминается имя Берлускони), — образуют кон-

текстуальный фон рассуждения (*datum*). Материальная составляющая анализа, дающая рассуждению реальную поддержку, позволяет установить исходную материальную точку (*endoxon*), роль которой выполняет установка на то, что смерть иногда «включается в список сторонних рабочих моментов» (Greco Morasso, 2012: 204). Это, конечно, грустно, но такова работа.

Теперь, согласно АМТ, контекст должен быть структурирован, то есть нам нужно обратиться к процедурной стороне, которая позволит выделить каркас рассуждения: топос, максима, логическая форма. Аргументация протекает в рамках *locus* условий (импликации), «который подчеркивает, как принятие обязательства влечет принятие всякого возможного стороннего эффекта» (Greco Morasso, 2012: 205). Топос определяет тип выводной связи (максиму): «Если я свободно принимаю задание, никто не ответственен за любые (сопровождающие) следствия этого задания». В результате мы приходим к форме *modus ponens*.

Восстанавливаемая схема рассуждения состоит из двух этапов: первое заключение и окончательное заключение. На первом этапе, то есть на этапе до пересечения процедурной и материальных ветвей, мы приходим к тому, что смерть офицера, к сожалению, была горьким «сопутствующим» фактором операции. Но раз так, и тут мы переходим ко второму этапу, то совершенно резонно предположить, что винить итальянское правительство в смерти Калипари нам не следует. Именно это и становится окончательным заключением аргументации.

Таким образом, с помощью АМТ нам удастся восстановить схему рассуждения, определить его границы (*framing*), а заполняя пробелы Схемы 4, мы приходим к Схеме 5 (Greco Morasso, 2012: 206).

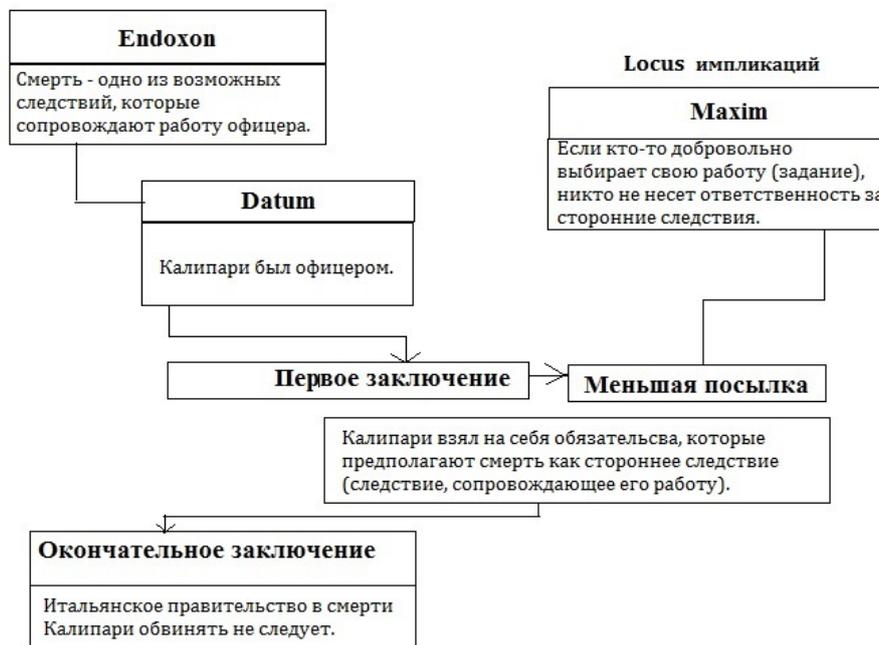

Схема 5. Анализ примера Стрена-Калипари в АМТ

Итак, анализ, проведенный в рамках АМТ позволил понять, каким образом «Либеро», не говоря об этом явно, удастся снять ответственность с правительства за смерть офицера (Greco Morasso, 2012: 205). Но для важнее то, что мы смогли понаблюдать за реконструкцией аргументации: смогли увидеть, как именно *loci* и *maximae* определяют форму рассуждения, а *endoxon* служит материальной точкой для работы с интерпретацией фактов, определяя тем самым ее контекстуальные рамки.

6. Перекрестный анализ примеров

Теперь проведем эксперимент: посмотрим, каким образом пример, разбираемый Брюшинкиным, выглядел бы при его разборе методом АМТ, и наоборот.

Сначала восстановим аргументацию Зельтерского средствами АМТ. Я предлагаю не цитировать фрагмент и «Гостя» Чехова заново (цитату можно найти во третьем разделе), а напрямую приступить к анализу. Исходной материальной точкой, то есть общей установкой (*endoxon*), в этом

случае будет следующее утверждение: «Жадные люди избегают ситуаций, в которых у них просят в долг». Это предположение, объединяясь с фактическим знанием (Перегарин жаден), приводит к первому заключению: «Перегарин предпочтет уйти (избежать ситуации), если попросить у него в долг». О том, что Перегарин жаден мы узнаем из самого текста.

Обратимся к процедурной ветви анализа: нам следует определить локус, из которого исходит максима, лежащая в основе схемы рассуждения. Так как определение локуса — процесс творческий, то позволю себе предположить, что в данном случае стоит отталкиваться от конечной причины. Этот выбор объясняется и тем, что рассуждение протекает в онтологической области действия. Локус существенно сужает поиск максимы⁶, а потому найти ее совсем не трудно: «Если поставленная цель может быть достигнута, резонно активировать причинную цепь, которая позволит ее достичь».

Материальная ветвь завершается первым заключением: «Перегарин предпочтет уйти, если попросить у него в долг». Оно же, в свою очередь, соединяясь с максимой, приводит нас к заключению финальному: «Если хочешь выспаться, стоит попросить в долг» (см. Схему 6). Так как указанный локус относится к онтологической области действия, наше заключение носит характер указания.

⁶ Примеры локусов и соответствующих им максим предлагает и Риготти (Rigotti, 2009).

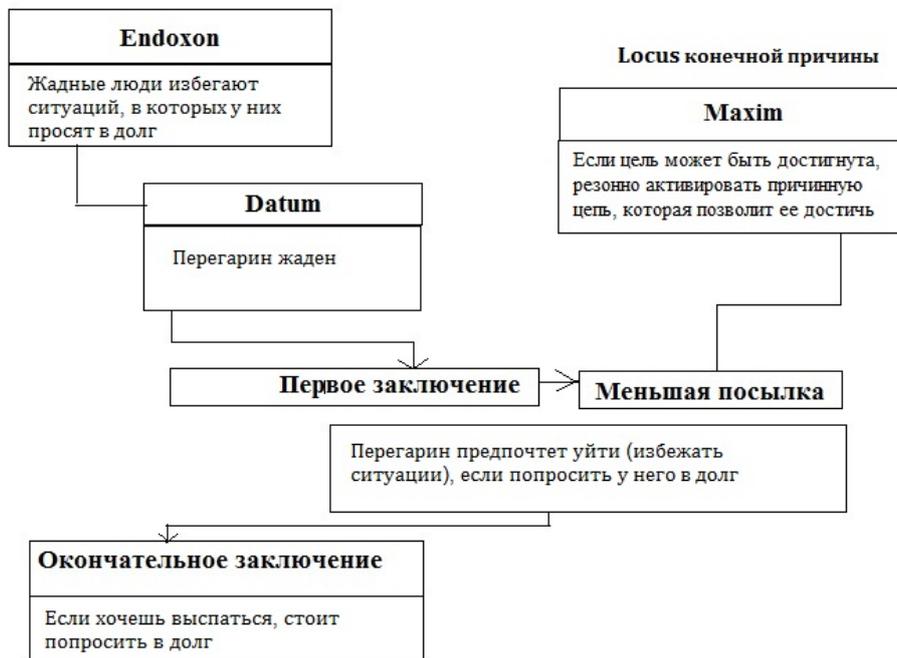

Схема 6. Анализ аргументации Зельтерского в АМТ

Как и в случае анализа средствами СМА, за рамками остается вопрос: почему из всех альтернатив Зельтерский выбирает именно эту? Впрочем, обоснование этого выбора может быть восстановлено в виде отдельной схемы, которая будет отражать внутренний диалог героя самим с собой, материальной точкой которого будет стремление человека быть вежливым.

Итак, АМТ как риторическая модель отталкивается от текста: мы хотим понять, почему оратор говорит (пишет) именно то, что мы читаем. Для этого предлагается, следуя правилам, разложить текст по боксам. Точнее, нам нужно заполнить отдельные фрагменты схемы, а потом посмотреть, к какому выводу они ведут. Процесс, в силу своей проработанности, оказывается довольно понятным. Процедурный и материальный компоненты позволяют не запоминать набор столь популярных сегодня схем рассуждений, а это является безусловным плюсом, так как мы не должны удерживать в голове набор схем. Однако отказаться от перечней АМТ не позволяет: место списков схем рассуждений занимают

списки локусов и максимум, запомнить, равно как и в конкретной ситуации подобрать, которые тоже не элементарно.

Теперь обратимся к реконструкции примера Греко Морассо средствами СМА. Это означает построение дерева аргументации или когнитивной карты рассуждения (поздняя терминология) о гибели офицера. Прежде всего нам следует выделить когнитивные установки и определить ЦУ (см. сноску 3). ЦУ, напомню, поможет определить КП и ПП, после чего мы уже будем в состоянии восстановить посредствующие факторы выступающей карты.

Действуя по этому плану, мы оказываемся в круге: чтобы найти факторы, нам требуются когнитивные установки, но выяснить эти установки можно только, опираясь как раз на эти самые факторы. И как с этим работать, не совсем и ясно. Пытаясь хоть как-то нивелировать проблему, предлагаю подразделять когнитивные установки на два типа: когнитивные установки оратора, которые помогают зафиксировать ЦУ, и когнитивные представления оратора об адресате, задача которых — найти посредствующие факторы. Условимся, что установки первого типа мы определяем, исходя из общего содержания текста, а второго — благодаря более детализированному анализу, который оказывается возможным только после того, как определены ЦУ, КП и ПП. Другими словами, построение карты начинается не с поиска установок вообще, а поиска установок оратора. Не могу сказать, что предлагаемая иерархия снимает проблему (СМА требует полноценной систематичной доработки), но она хоть как-то помогает преодолевать круг.

Итак, когнитивные установки оратора усматриваются в ориентации газеты (вспомним заголовок о действиях Берлускони): «Либеро» — проправительственная газета, а потому здесь мы имеем дело со стремлением оправдать действия руководящих структур. Оратор, автор заметки, стремится выставить правительство в хорошем свете, а потому ЦУ принимает вид: «правительство винить не следует». ЦУ подобного рода относится к классу практических, а значит, субъектно-предикативной формы оно не имеет. КП в нашем случае совпадает с ЦУ, а ПП следует искать за его пределами. Учитывая ЦУ, понятно, что причиной, запускающей

аргументацию (ПП), является желание оправдаться за смерть.

На последнем шаге анализа надо выстроить путь от ПП и КП. И тут мы опять апеллируем к когнитивным установкам, но уже не к установкам самого оратора, а к представлениям оратора об адресате. Поиск таких установок можно начинать с вопроса: что может породить наше ЦУ в уме адресата? В результате приходим к представлениям о позитивном имидже заботы и неизбежности трагического случая. Теперь ничто не мешает приступить к процедуре картирования (Схема 7). Схема сопровождается расшифровкой факторов (Таблица 3).

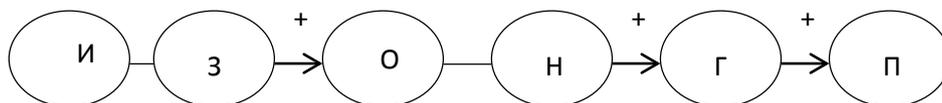

Схема 7. Анализ примера Стрена-Калипари в СМА

обозначение	фактор	роль
И	Оправдание за смерть	ПП
З	Имидж заботы	У
О	Память об офицере	П
Н	Неизбежность трагических случаев	У
Г	Невозможность предусмотреть гибель	П
П	Невозможность упрекнуть правительство	ЦУ/КП

Таблица 3. Таблица факторов к Схеме 7

Схема может быть прочитана следующим образом: «Правительству не в чем себя упрекнуть. Как любое заботливое к своим гражданам руководство, оно чтит память о погибшем офицере и грустит о неизбежности трагических случаев, возможных в работе военных».

Итак, СМА нацелена на фиксацию и оценку явно и неявно выраженных логических связей. Как и АМТ, она апеллирует к исходным установкам участников аргументации. Эти установки, называемые когнитивными, оказываются центральным компонентом анализа. Последнее придает модели большую (по сравнению с АМТ) гибкость. Однако построение аргументации по представлениям об адресате — задача нетривиальная, а потому она требует нетривиального решения. А явно недостаточная проработка вопроса установок говорит о том, что такое решение сегодня еще не найдено.

7. Заключение

Итак, подведем итоги. Обе модели можно называть комплексными (сочетают в себе более одного подхода к анализу аргументации). В обеих по-разному, но все же делается акцент на субъектно-прагматической стороне рассуждений: в СМА — через анализ когнитивных установок участников (в первую очередь адресата), а в АМТ — через обращение к так называемой материальной точке (*endoxon*), то есть к знаниям, разделяемым всеми релевантными участниками аргументации. И там, и там мы имеем дело с апелляцией к онтологическим установкам, на базе которых выстраивается структурная часть аргументации. Такая онтологизация знания, как известно, характерна для моделей, которые стремятся не столько к поиску формализмов, сколько к поиску рабочего инструмента для анализа текстов. Отсюда вытекает еще одно сходство: обе модели могут быть использованы в образовательных целях.

Перечисленные сходства не могут нивелировать ряд существенных различий. Во-первых, если СМА исходит из прерогативы структурной составляющей, то АМТ — из прерогативы текстологической. В распоряжении СМА оказываются когнитивные графы, а регламентирующим элементом АМТ являются процедурные и материальные принципы (каркас в АМТ играет роль очков, через которые удобно смотреть на аргументацию). Главным неудобством АМТ оказывается набор локусов и максим. Процедура их подбора

оказывается далеко не тривиальной: держать в голове весь набор локусов весьма не просто. Таких минусов лишена СМА: место локусов и максимум в ней занимают логические связи. Но тут возникают сложности иного рода: должной ясности лишена процедура поиска узлов когнитивной карты (см. конец прошлого раздела). Во-вторых, модели различаются по наличию встраиваемых оценочных процедур: в СМА они присутствуют, а в АМТ нет. Является ли наличие или отсутствие этого инструмента преимуществом или нет, сказать сложно. Все зависит от целей модели и условий ее применения, а потому я оставляю этот пункт различия без комментариев.

В-третьих, модели, что для нас важно, отличаются по степени простоты работы. В случае анализа конкретных небольших текстовых фрагментов на порядок проще использовать АМТ. Здесь в нашем распоряжении оказывается весьма стройный и неплохо отработанный механизм. Модель позволяет довольно просто разбивать аргументацию на составные части и устанавливать между ними связь. В СМА, а я говорю о ее поздней, логико-когнитивной, версии, этого нет, а потому не всегда ясно, почему процедура выглядит так, а не иначе. Степень разработанности модели, очевидно, зависит от ее апробации. И тут явное преимущество опять оказывается на стороне АМТ. Сегодня модель активно применяется в образовательном процессе: например, при обучении языку эмигрантов или при изучении общественного мнения (Greco Morasso, 2012). Работа с СМА несколько приостановилась. Надеюсь, эта ситуация в ближайшем будущем будет исправлена.

Литература

- Брюшинкин, В.Н. (2009) 'Системная модель аргументации для фрагмента философского текста', *Электронный журнал Рацио.ru*, № 1, с. 43-62.
- Брюшинкин, В.Н. (2010а) 'Когнитивные карты наборов аргументов', *Модели рассуждений – 4: аргументация и риторика*, с. 161-182. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта.

- Брюшинкин, В.Н. (2010b) 'О двойной роли риторики в системной модели аргументации', *Электронный журнал Рацио.ru*, № 3, с. 3-14.
- Брюшинкин, В.Н. (2010c) О роли опор убеждений в аргументации, в Щедрина Т.Г. (ред.) *Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной*, с. 264-277. М.: РОССПЭН.
- Лисанюк, Е.Н. (2012) 'Когнитивный подход и системная модель аргументации', *Электронный журнал Рацио.ru*, № 8, с. 46-65.
- Greco Morasso, S. (2012) 'Contextual frames and their argumentative implications: A Case Study in media argumentation', *Discourse Studies*, no. 14:197, [Online], <http://dis.sagepub.com/content/14/2/197> [21 сентября 2015].
- Rigotti, E. (2008) 'Locus a causa finali', *Proceedings of the IADA Workshop Word meaning in argumentative dialogue. Homage to Sorin Stati*, ed. G. Gobber, S. Cantarini, S. Cigada, M. C. Gatti and S. Gilardoni. *Special issue of L'analisi linguistica e letteraria*, XVI 2, pp. 559-576.
- Rigotti, E. (2009) 'Whether and how Classical Topics can be Revived within Contemporary Argumentation Theory', in F.H. van Eemeren, and B. Garssen (ed.) *Pondering on Problems of Argumentation*, pp. 157-178. Dordrecht: Springer.
- Rigotti E., Greco Morasso S. (2010) 'Comparing the Argumentum Model of Topics to Other Contemporary Approaches to Argument Schemes: The Procedural and Material Components', *Argumentation*, vol. 24, no. 4, November, pp. 489-512.
- Van Eemeren, F.H., and Garssen, B. (2009) 'Problems of argumentation: An introduction', in F.H. van Eemeren, and B. Garssen (ed.) *Pondering on problems of argumentation. Twenty essays on theoretical issues*, pp. xi-xxi. Dordrecht: Springer.

Van Eemeren, F.H., Garssen, B., Krabbe, E.C.W., Snoeck Henkemans, F.A., Verheij, B., Wagemans, J.H.M. (2014) *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht: Springer.

Walton, D., Reed, C., and Macagno, F. (2008) *Argumentation schemes*. Cambridge: Cambridge University Press.

Об авторе

Ангелина Сергеевна Боброва – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, angelina.bobrova@gmail.com.

About author

Dr. *Angelina Bobrova*, Associate Professor, Department of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, angelina.bobrova@gmail.com.